

Часть 1

— Кая! Кая, нет, держись!

Она медленно открыла глаза, словно выплывая из глубокой бездны, и увидела перед собой чуть ли не плачущее лицо двоюродной сестры.

— Киё... называй меня «Тобэ Нагуса», или бабушка опять разозлится...

Она говорила очень медленно. Каждый вдох давался с трудом, во рту пересохло. Она чувствовала запах очага и мягкость звериных шкур под собой. Она лежала на боку и чувствовала в спине пульсирующую боль.

— Пускай злится, главное спасти тебя! Чем ты думала, когда защищала Аяту?!

После слов двоюродной сестры к ней постепенно вернулась память.

Да, точно, посреди битвы она не думая выскочила перед своим младшим братом, защищая его от клинка. Она помнила боль в спине, но на этом память обрывалась. Сейчас её тело словно кричало от каждого вдоха, рана явно была глубокой.

— Что с Аятой?..

Вход в соломенное жилище был завешан плотной тканью, трудно было понять, день сейчас или ночь. Сколько времени прошло с тех пор, как она получила рану?

— Горюет и чувствует себя виноватым. Не надо было ему участвовать в битве...

Киё помогла Тобэ Нагусе подняться и выпить воды из глиняного горшка. Вода из плодородной почвы Нагусы была как всегда вкусной и сладкой. Но сейчас на половине этой земли бушевала война.

— Аята тоже пытался защитить нашу родину...

Её брат никогда не отличался сговорчивостью, но всегда пытался довести начатое до конца. Он фактически управлял правительством и армией на пару с Тобэ — их предводителем и жрицей, говорившей от имени богов. До сегодняшнего дня эта система работала идеально. Что касается двоюродной сестры, то и её с Тобэ связывали крепкие узы.

— Это я ошиблась... Я решила, что мы должны сразиться с Сану.

Конечно, её брат рвался в бой, но она как правительница была вправе остановить его. Тобэ Нагуса улеглась с помощью Киё и поморщилась, когда рана вновь отозвалась болью.

— Кая, ты не виновата... — сказала Киё.

Рядом с ней была дочь, которой совсем недавно исполнилось три года. Можно сказать, Тобэ знала эту девочку ещё до того, как она родилась, и считала почти своей. Наверняка ей очень хотелось гулять и играть, но она не понимала что происходит. Волнение на её лице казалось почти забавным.

— Мы все волнуемся и переживаем. Война разорила наши поля, а многие мужчины ранены и не могут работать. Боюсь, это скажется на урожае...

Урожай неразрывно связан с жизнью людей. Киё сама владела большим полем, поэтому прекрасно знала, о чём говорила. Скорее всего, она далеко не одна, кто опасается влияния войны на урожай.

А ведь молитвы о нём — одна из важнейших обязанностей Тобэ как жрицы.

— Госпожа Тобэ Нагуса! — раздался голос и в жилище вошла женщина с татуированным лицом. — Господин Охико убит!

— Господин Охико?! — дружно воскликнули все служанки Киё.

Вражеская армия называла Охико не иначе как Нагасунэхико, он был одним из вождей соседних земель, заключивших союз с Нагусой. Недавно ему даже удалось прогнать вражескую армию, и никто не ожидал, что сейчас он погибнет.

— Не может быть! — Киё зажала рот рукой, из её глаз брызнули слёзы.

Никто в Нагусе не читал Охико чужим. Давным-давно его клан переселился сюда из Идзумо и с тех пор всегда был хорошим соседом.

— Это дело рук Сану? — спросила Тобэ Нагуса.

Посланница замешкалась прежде чем ответить:

— Нет... судя по всему, вражеская армия здесь ни при чём.

— Как это понимать? — Тобэ Нагуса нахмурилась.

Решившись, посланница объявила:

— Господина Охико убил господин Нигихаяи!

Казалось, все в жилище потеряли дар речи.

— Но господин Нигихаяи женился на дочери[□]По некоторым источникам, младшей сестре (прим. автора). Охико и вошёл в его семью... Почему он убил его?! — наконец воскликнула Киё дрожащим голосом, прижимая к себе дочь.

Тобэ Нагуса закрыла глаза. Новость словно опустошила её.

Как она могла забыть? Нигихаяи ведь был небесным богом, а значит — союзником Сану, в чьих жилах тоже текла божественная кровь. Неизвестно, о чём именно они договорились и к чему приведёт их замысел, но теперь Тобэ точно знала, что должны сделать её люди.

— Позови Аяту, — приказала она посланнице, с трудом приподнимая своё раненое тело.

Короткий ответ, и женщина выбежала из жилища.

— Кая... неужели нас тоже убьют? — взволнованно спросила Киё, поддерживая слабое тело.

Тобэ Нагуса сжала её ладонь и вяло улыбнулась.

— Нет, я защищу вас.

Она должна была так поступить с самого начала.

В конце концов, выбрать войну никогда не поздно.

Тобэ Нагуса вытащила кандзаси, которая скрепляла её пышные волосы. Это украшение, сделанное из костей животных, могло бы подойти как мужчине, так и женщине, но семь ракушек, обозначающие союз семи поселений, были подарком Кае в честь того, что она унаследовала имя Тобэ Нагусы. Деревенские мастерицы кропотливо работали над ними, а после покрасили кандзаси киноварью — символом святой жрицы. Звон красного украшения успокаивал духов и служил молитвой о мире и процветании этой земли.

Поэтому кандзаси была символом королевы, которая ведёт за собой народ Нагусы.

— Кая... — почти беззвучно прошептала Киё, обо всём догадавшись.

Тобэ улыбнулась двоюродной сестре, взвалившей на себя непосильный груз, и сказала:

— Пора положить этому конец.

Она не знала, как Сану отреагирует на позднее предложение. Но это был единственный способ защитить мужчин и женщин, детей и стариков, леса и холмы... всю землю Нагусы.

Кандзаси в руках Тобэ Нагусы издала неуместно красивый звон.

Часы посещения в больнице уже давно закончились, кондиционер в фойе не работал, и воздух уже сейчас казался затхлым. Ёсихико бежал со станции со всех ног и теперь никак не мог высохнуть. Капли пота медленно катились под футболкой. Он в два счёта уговорил охранника у служебного входа впустить его, вбежал внутрь, но не сразу решился заговорить с Тацуей, который сидел, свесив голову, в фойе.

— Оно... — наконец произнёс он, переведя дыхание.

Тацуя медленно поднял голову, словно поднимаясь со дна глубокого моря.

— Хагивара... — на памяти Ёсихико лицо ровесника ещё никогда не было таким отчаявшимся.
— Прости, что заставил приехать.

— Нет-нет, я пришёл по своей воле. Не бери в голову, — ответил Ёсихико нарочито бодрым голосом и сел рядом с Тацуей. — У меня сразу отлегло, когда ты сказал, что его жизни ничего не угрожает.

Тацуя кивнул, вздыхая.

Три часа назад Тацуя заехал по работе в одну мастерскую возле храма, и соседи рассказали, что его отец упал в обморок возле конторы. Почти сразу же Тацуя позвонил Ёсихико. Выслушав растерянного друга, Ёсихико тут же выехал в Вакаяму на поезде.

— Поверить не могу, что он получил тепловой удар... — пробормотал Тацуя. — Соседи сказали, что он с самого утра подметал на территории, потом чинил часовни... Наверняка за время работы ничего не пил, вот и...

Руки Тацуи вздрогнули. Узнав новость об обмороке отца, он наверняка испугался, что потерял ещё одного родственника.

Ёсихико опустил взгляд на пол и вспомнил, что пережил сам два года назад. Он хорошо знал, что такое внезапно потерять близкого человека, который, как казалось раньше, всегда будет с тобой.

— Я слышал, с возрастом тепловой удар получить легче, — вспомнил Ёсихико слова из какой-то телепередачи.

В ней говорили о том, что с возрастом кожа человека не так сильно ощущает жару, да и терморегуляция организма работает уже не так хорошо. Из-за этого одинокие пенсионеры порой забывают пить достаточно воды и чаще получают тепловые удары.

— Он был таким лёгким... — обронил Тацуя, не поднимая глаз. — Когда приехала скорая, я занёс его в машину и удивился, как мало он весит...

Именно тогда Тацуя впервые понял, насколько стар его отец. Он так долго спорил и ругался с отцом, отказываясь мириться, что никогда не замечал, что годы для всех идут одинаково. Пока не увидел лежащего на земле отца, он не замечал ни глубоких морщин на лице, ни пятен на руках, ни сухих ног. Вернее, просто не хотел замечать.

— Перед самой аварией сестра сказала мне, чтобы я попробовал поговорить с отцом по душам. Она столько сделала ради меня, а я до сих пор не выполнил эту просьбу... и испугался, что уже никогда и не выполню...

Если бы у него был не тепловой удар, а инфаркт или инсульт, Тацуя попрощался бы с отцом, так и не выполнив желание сестры.

Ёсихико заметил, что Когане тоже вошёл в фойе. Но лис сел вдалеке, видимо, поняв, что сейчас не до него.

— Ещё не поздно. Ты ещё сможешь выслушать своего отца.

Разумеется, Ёсихико не мог знать всех сложностей в семейных отношениях Тацуи, но сейчас отчётливо ощущал, насколько болит сердце и душа товарища.

— Я во всём обвинял отца. Сестра покупала мне всё снаряжение для бейсбола, с трудом отыгрывала роль моего опекуна, общалась с другими взрослыми, готовила мне полезную еду. Потом она попала в аварию, а я почти не пострадал... Во всём этом я винил моего отца... — Тацуя нагнулся к своим коленям и вздохнул. — Но он ни разу не обвинял меня после аварии. В тот день я отказался оставаться на ночь, сестра могла не подвозить меня... И всё же он меня не обвинял.

Скорее всего, это ещё сильнее укрепило упрямство Тацуи. Возможно, ему полегчало бы от обвинений. Они столько спорили, но именно в тот раз отец поступил по-отечески. Это раздражало Тацую, но он не мог в этом признаться и прятал чувства за грубостью.

Может, теперь на поверхность всплыла подавляемая с детства любовь к отцу?

Ему придётся посмотреть этим чувствам в глаза, если он действительно хочет поговорить с ним.

— Когда сестра начала учиться на священника, она стала постепенно одобрять поведение отца. Мне от этого почему-то было ещё обиднее, я заупрямился и всё воспринимал в штыки. Вёл себя как ребёнок... — Тацуя самоиронично улыбнулся. — Почему должно было случиться именно это, чтобы я опомнился?..

Он по праву ненавидел то, что над ним издевались в школе. Он по праву злился на отца за то, что тот отказывался слушать. Но с тех пор утекло много времени. Тацуя давно стал другим человеком, у него было сколько угодно времени поговорить с отцом по душам. Сестра нашла с ним общий язык, но Тацуя почему-то продолжал упрямиться. Сестра говорила, что Тацуя всё поймёт, когда повзрослеет, а он так и не смог повзрослеть.

— Не хочу показаться всезнайкой, но... — раздался голос Ёсихико среди тихого фойе. Он тщательно выбирал каждое слово: — Оно, помнишь, ты сказал, что знание прошлого не меняет настоящее? Я думаю, ты был прав. Даже если твой отец найдёт ответы на все вопросы и узнает всю правду, наша с тобой жизнь несколько не изменится.

Ёсихико и сам много думал о том, почему отец Тацуи так упорно исследовал историю Тобэ Нагусы, несмотря на презрение со стороны сына. Что толкало его на это?

— Исследователи древностей выкапывают из земли древнюю посуду и постройки, но их находки ни на что не влияют. Учебники истории становятся толще, теории сменяют друг друга, но на будущее это не влияет. И всё же...

Ёсихико снова вспомнил, как Амэномитинэ-но-микото впервые показал ему кандзаси. Ослабевший, почти всё забывший, он считал украшение единственной нитью, которая связывала его со своим прошлым.

— Древние курганы — это кладбища, посуда — это осколки жизни, украшения — элементы одежды. Людей, которые раньше жили, уже нет, и мы никогда не сможем их увидеть, но у нас есть доказательства их жизни, и я считаю, от них неправильно отмахиваться как от бессмысленных.

Тацуя поднял голову и сквозь слёзы посмотрел на Ёсихико.

— Я думаю, твоему отцу действительно хочется разобраться, убили Тобэ Нагусу или же она сдалась, но по-настоящему важно другое, — продолжил Ёсихико, неотрывно смотря вперёд. — Твоему отцу нужно доказательство, что Тобэ Нагуса действительно существовала.

— Что Тобэ Нагуса... существовала? — взгляд Тацуи растерянно дрогнул.

Ёсихико кивнул. Ему было чем подкрепить свои слова — мысль пришла в голову ещё вчера, когда он пришёл в дом Оно.

Отец Тацуи до сих пор хранил вещь, принадлежавшую жене.

А узнав о кандзаси, почувствовал в Амэномитинэ-но-микото родственную душу.

Да, он изо всех сил искал и пытался сохранить доказательства жизни Тобэ Нагусы.

— Он считает, что это прольёт свет не только на неё, но и на вас, — сказал Ёсихико до сих пор не понимающему товарищу. — Твой отец хочет показать, что ваша семья связана крепкими узами: он докажет, что была Тобэ Нагуса, а теперь есть вы.

Прошло больше двух тысяч лет, но кровь древней королевы дожила до наших дней.

Конечно, это не значит, что их семья особенная. Сейчас в Японии живёт столько людей, что среди них наверняка множество потомков Тобэ Нагусы. И всё же только один человек продолжал считать её богиней, хранил храм в её честь и искал правду о её жизни. Имя королевы осталось в истории, но потонуло в её пучине. Однако отец Тацуи ощущал свой долг как наследника клана и пытался сохранить имя для будущих поколений.

— Думаю, твоя сестра уже поняла это. Да, на первый взгляд не поймёшь, но твой отец выражает любовь к семье именно через поиски корней, — Ёсихико посмотрел на обомлевшего Тацую. — Возможно, он уже давно считает Тобэ Нагусу членом вашей семьи. Именно поэтому ему бы и в голову не пришло называть свои поиски бессмысленными.

Тацую смотрел немигающим взглядом. По его щеке катилась слеза.

— Но почему он... ничего не сказал?..

В его груди томилось столько чувств, что он не мог их внятно выразить.

Поняв это, Ёсихико вновь уставился в пол.

— Я думаю, из-за отчаяния.

На этот раз это была всего лишь догадка.

— Он потерял жену и отчаянно пытался заслужить любовь оставшихся членов семьи... — проговорил Ёсихико, вспоминая рассказ Ёдзи.

Тацуя прикусил губу, чтобы не выпустить стон.

Возможно, его отец действительно изо всех сил пытался залатать дыру, которая образовалась в семье после смерти жены. Тацуя невольно вспомнил молодого отца, который не умел ни готовить, ни даже включать стиральную машину и с трудом справлялся с обязанностями. Они с матерью делили друг с другом всю работу, пытаясь воспитывать детей в атмосфере любви и согласия. Но после смерти жены у отца всё валилось из рук. Наверняка он чувствовал себя измождённым, а по ночам задумывался, действительно ли справится в одиночку. И всё же отец выбрал жизнь втроем вместе с сыном и дочерью. Именно поэтому он так сильно хотел найти связи с древностью, чтобы укрепить семейные узы.

Он хотел включить в их семью не только любимую жену, но и Тобэ Нагусу, которая дала им жизнь.

Никто не мог помочь ему — или, может, никто не захотел даже слушать. Неуклюжесть и недопонимание превратились в трещину, а затем и в пропасть между отцом и сыном.

— Может быть, ещё не поздно? — спросил Тацуя, склонившись над своими коленями.

— Ага, эту базу ты ещё успеешь захватить, — Ёсихико похлопал друга по плечу, которое заметно исхудало по сравнению со школьными годами.

— Успею, думаешь? — Тацуя невольно улыбнулся.

— Ты же был мастером подката.

Обменявшись парой шуток, друзья усмехнулись.

Именно тогда в фойе раздался голос медсестры.

— Господин Оно!

Улыбка мигом пропала с лица Тацуи, лицо стало серьёзным. В душевной больнице повисло напряжение, но медсестра развеяла его улыбкой.

— Ваш отец пришёл в сознание.

Часть 2

Шёл уже десятый час ночи. Выйдя из больницы в ночную темень, Ёсихико поехал в храм Тацуи вместе с ним. В ночи павильоны казались ещё больше и величественнее. Вот только храм стоял среди полей, так что зловещее ощущение разбивалось о бесконечное кваканье лягушек.

— Странный ты парень. Мог бы и не ехать со мной, — обронил Тацуя, отдавая товарищу рабочие перчатки, которые нашёл в сарае.

Несмотря на дневной зной, ночью на храм опустилась прохлада. Луна, похожая на яркую трещину в небесах, уже почти зашла за горизонт на западе.

— Поздно, я уже на это подписался.

Проголодавшись, Ёсихико съел ещё кусок торта Хоноки, который так и таскал с собой. Конечно, ему по-прежнему не давали покоя мысли о пшенице из задницы, но он тут же напомнил себе о том, что это угощение пекла Хонока.

— Учти, я не знаю, что мы найдём, — напомнил Тацуя, отпив воды, которую они по пути купили в магазине.

— Я знаю, — Ёсихико улыбнулся и кивнул. — Ну, за дело.

Он хлопнул одетыми в перчатки руками, чтобы придать себе бодрости, и посмотрел в нужную сторону.

— Я слышал звук...

Около часа назад они встретились с очнувшимся отцом Тацуи, и тот поручил сыну важное задание.

— Прекрасный, чистый звук, похожий на звон колокольчика или фурина...

Ёсихико и Тацую пригласили в палату, где более-менее оклемавшийся отец медленно заговорил с ними.

— Звук? — переспросил Тацуя, нагибаясь к нему.

Ёсихико наострил уши, но в палате ничего не звенело.

Отец Тацуи водил глазами по сторонам, словно его сознание до сих пор было в тумане.

— Я видел сон... Я шёл на звук, пришёл к нашему храму и увидел перед ним незнакомую женщину... Она была чем-то похожа на Намиэ и на Нанами...

Тацуя слушал молча.

— Я спросил: «Кто вы?». Она печально посмотрела на прилавок, показала пальцем, и исчезла словно дуновение ветра... Затем я снова услышал этот звук. Печальный звон звал меня из комнаты за прилавком...

— Может быть... — тихо пробормотал Ёсихико, начиная догадываться. — Это был звон украшений на кандзаси?..

Тацуя озадаченно посмотрел на Ёсихико.

Его отец закрыл глаза, затем медленно открыл и уставился на потолок.

— Да, это и правда был похожий звук... Звук той кандзаси, которая выглядит как копия короны Нагусы... — пробормотал он, и из его глаза выкатились слеза.

Она пробежала по виску и впиталась в белую подушку.

— Тацуя... я хочу попросить тебя...

Тацуя проводил слезу взглядом, а теперь поднял голову.

— Женщина указывала на комнату за прилавком. Возможно, там спрятано нечто, связанное с короной... Нечто, чего я пока не заметил...

Тацуя мог разозлиться на отца за то, что он даже сейчас продолжает говорить о Тобэ Нагусе. Он мог огрызнуться: «Да это всего лишь сон!».

Поэтому Ёсихико слушал разговор отца и сына, затаив дыхание.

— Может быть, ты поищешь там... вместо меня?..

Отец протянул к сыну морщинистые руки.

«Пожалуйста», — беззвучно добавил он.

— Хорошо.

Тацуя неуклюже пожал отцовские руки и кивнул.

— Вообще, ты тоже странный, — бросил Ёсихико, пока они поднимались по лестнице.

Освещения не было, так что всю дорогу до прилавка приходилось освещать карманными фонариками.

— Я был уверен, ты скажешь, что это всего лишь сон, но тебе, оказывается, и самому не терпится во всём разобраться. Иначе почему ты решил поехать именно ночью, не дожидаясь завтрашнего дня?

Разумеется, Ёсихико не мог оставить его одного. Во-первых, он хотел помочь товарищу, а во-вторых, был уверен, что женщина из сна отца и звон кандзаси как-то связаны с заказом.

— Он ведь попросил... — проворчал Тацуя, не оборачиваясь.

Ёсихико мигом понял, что тот всего лишь маскирует смущение.

— Тем более, сестра попросила меня поговорить с отцом по душам. Поэтому я решил, что надо бы хоть раз помочь ему...

К концу фразы Тацуя перешёл на полусшёпот, но Ёсихико решил не шутить на эту тему.

В комнату за прилавком вела деревянная дверь с навесным замком. Тацуя открыл его натренированными движениями и наощупь включил свет.

— Ох... кажется, тут придётся сначала убратсья, иначе мы ничего не найдём, — пробормотал Ёсихико, когда зажглись лампы дневного света.

Он уже успел забыть, что всё это помещение настолько завалено книгами и бумагами, что ступить негде. Вот бы отец Тацуи хотя бы уточнил, где именно и что именно искать...

— Придётся убираться по ходу поисков. Времени уйдёт тьма, конечно, — Тацуя разулся и с трудом нашёл место для ног среди бумаг.

— Ладно... — Ёсихико перевёл дух и тоже снял обувь.

Отец Тацуи собирал материалы всю свою жизнь. Здесь было всё, начиная с книг по древней истории Кинокуни и древним кланам, и заканчивая древними картами, музейными резюме и исследованиями на тему истоков японского народа. Многие бумаги отец Тацуи явно получил по наследству. Они обветшали так, что к ним было страшно прикасаться.

— Что-то чем дальше смотрю, тем лучше понимаю, сколько труда он вложил... — восхищённо пробормотал Ёсихико, пролистывая ближайшие документы.

Плоды его усилий сейчас находились у Ёдзи в виде рукописи. Даже перебор такого количества документов казался непосильной задачей, а уж количество рукописных документов не оставляло никаких сомнений в фанатизме отца Тацуи. Конечно, он настаивал, что всего лишь восстанавливает документы, которые были утеряны в начале эпохи Мэйдзи, но неужели кому-то мало того, что уже есть?

— Ёсихико, ты можешь работать, не отвлекаясь? Вы так до утра провозитесь, — Когане постучал лапой по ноге засмотревшегося Ёсихико.

Лис отказался помогать в поисках, ссылаясь на лапы, и ограничился лишь поверхностным осмотром бумаг, но это не мешало ему комментировать. Впрочем, Ёсихико подозревал, что дело даже не в лапах — Когане отказался бы помогать в любом случае.

— Да-да, конечно. Буду работать, раз ты так хочешь, — приглушённо ответил Ёсихико.

Он старался ходить по комнате, не наступая на документы и предметы повседневного быта, но всё равно пару раз ойкнул, когда случайно наступал на ручки и прочие канцелярские товары.

— Слушай, Оно, ты точно не знаешь, что именно мы ищем? — спросил Ёсихико у товарища, который как раз складывал книги в одном из углов. — А то найди то, не знаю что в этой куче — как-то уж слишком.

— Я, конечно, не слишком доверяю сну отца... — Тацуя вздохнул, поднял голову и вытер пот со лба. — Но если женщина указывала на то, что он ищет, то догадка у меня есть.

— Неужели? — переспросил Ёсихико.

Тацуя кивнул.

— Отец всю жизнь искал книгу о наших предках, предыдущих владельцах этого храма. Я слышал, эта книга потерялась во время неразберихи эпохи Мэйдзи.

— Так это и есть «материалы, потерянные на заре Мэйдзи»?

Ёсихико окинул взглядом горы бумаг, сваленные в комнате. В них не хватало ключевого документа, и отец Тацуи неустанно работал, пытаясь заполнить эту дыру.

— И ты хочешь сказать, эта книга находится здесь? Но в таком случае твой отец давно бы нашёл её.

В конце концов, именно он собрал всю эту коллекцию. Кому как не ему знать, какие именно материалы есть в этой комнате?

Ёсихико уныло посмотрел по сторонам. Когане постучал по его ноге, привлекая к себе внимание.

— Искать нужно не только в очевидных местах, — заговорщицки подсказал лис. — Женщина из сна указала в направлении прилавка. Она могла иметь в виду не эту комнату.

— Ты предлагаешь искать где-то ещё? — Ёсихико нахмурился. — Но где?..

— А... — вдруг обронил Тацуя.

Ёсихико посмотрел туда же, куда и он — на пожелтевшую фусуму[□] Вид раздвижной бумажной двери. В отличие от сёдзи, не имеет деревянной решётки. Часто используется в качестве дверей стенных шкафов (как, например, в этом случае). в глубине комнаты и антресоли над ней.

— Точно... — Ёсихико не сомневался, что им в голову пришла одна и та же мысль. — Прямо сейчас мы видим ровно то, что видел твой отец. Он лучше нас знает, что и где здесь лежит. Если бы книга была здесь, он бы давно отыскал её... А значит, мы должны искать в укромных, незаметных местах.

Тацуя притащил стремянку, поставил и продолжил за товарища:

— Более того, он не первый, кто искал эту книгу, но до сих пор она никому не попадалась на глаза. Логично предположить, что её хорошо спрятали.

И Ёсихико, и Тацуя смотрели на антресоли. Их явно давно никто не открывал. Если забраться туда и поднять потолочные доски, можно попасть на чердак — самое очевидное из мест, где могли что-либо спрятать.

— Хагивара, мне понадобится твоя помощь.

Тацуя мигом залез на стремянку и открыл антресоли. Они тоже ломились от старых книг, перевязанных кип бумаг, выцветших журналов и листовок. Даже на выгребание этого хлама должно уйти немало времени.

— Слушай, скажи своему отцу, пусть хоть приведёт свою коллекцию в порядок, — пожаловался Ёсихико, принимая вещи с антресолей и складывая на пол.

В этих бумагах порядка было не больше, чем в тех, что наводнили комнату. Скорее всего, отец Тацуи заталкивал на антресоли всё, что попадалось под руку.

— Да толку ему говорить? Для него это и есть порядок, — устало бросил Тацуя, продолжая передавать товарищу вещи.

Наконец, он достал из самых глубин антресолей квадратную жестяную коробочку.

— Какая-то она лёгкая, — озадаченно сказал Тацуя.

Ёсихико переглянулся с ним, взял коробку и осмотрел. Судя по размерам, она была из-под печенья. Ясно было одно — в ней хранились не документы.

— Я открою? — спросил Ёсихико, не сдержав любопытства.

— Как хочешь. Думаю, там всё равно мусор, — разрешил Тацуя с вершины стремянки.

Несмотря на свои слова, он тоже внимательно смотрел на коробку.

Перчатки постоянно соскальзывали, так что Ёсихико пришлось снять их и открывать голыми руками. Немного повоевав с помятой крышкой, он наконец-то откинул её... и обомлел, увидев содержимое.

Жестяная коробочка была полна вырезок из газет и журналов: как крошечных, почти незаметных заметок, так и больших статей с фотографиями.

— Это же...

Ёсихико достал одну из вырезок. На ней была фотография Тацуи времён Косиэна, который как раз отбивал подачу. Перебрав вырезки, Ёсихико отыскал даже заметки о его выступлениях в детской лиге. Коробка хранила записи о достижениях Тацуи.

— Неужели отец собирал их? — Тацуя замер, ошарашенный.

Ёсихико вернул, почти что всучил ему коробку. Теперь эта лёгкая жестянка казалась невыносимо тяжёлой, ведь её переполняла отцовская любовь.

— А... — вдруг обронил Тацуя, заметив между вырезок что-то белое. — Это что, фурин?

Он достал из коробки небольшой фурин с привязанными к нему ракушками. На первый взгляд могло показаться, что его сделал ребёнок, но сложные узлы подсказывали, что ему помогал взрослый.

— Это ведь он... тот, который мы приносили с Ёдзи на фестиваль фуринов, но не отдали и забрали домой... — Тацуя с тоской посмотрел на фурин, который не видел больше десяти лет. — Мы его сделали в океанариуме, когда мать была ещё жива.

Ёсихико вспомнил, что уже слышал эту историю от Ёдзи. Тацуе настолько не хотелось отдавать фурин, что он даже расплакался. Правда, когда Ёдзи рассказывал об этом, Тацуя настаивал, что уже забыл о том случае.

— Значит, вот, где он был всё это время... Я думал, его давно выбросили.

Тацуя покачал рукой, и ракушки зазвенели. Ёсихико понравился этот звук, хотя ему было далеко до звона белой кандзаси.

— Может, кто-то хотел, чтобы ты нашёл его? Или всё-таки нет?

Ёсихико посмотрел на опустевшие антресоли. Безусловно, коробка заслуживала звания семейной драгоценности, но вряд ли некая женщина приходила к отцу Тацуи во сне, чтобы напомнить о ней.

— Давай проверим чердак. Это здание много раз ремонтировалось, но было построено в конце эпохи Эдо. Если кто-то что-то спрятал на чердаке в те времена, ни мой отец, ни дед, ни даже прадед могли не знать об этом.

Ёсихико вслед за Тацуйей посмотрел на чердак, притаившийся ещё выше антресолей. Если там найдутся заветные материалы, они смогут наконец-то пролить свет на сокрытую правду.

Пока Тацуя и Ёсихико готовились убирать потолочные доски, они вдруг услышали топот ног, а затем — взволнованный голос:

— Тацуя, ты здесь?!

В комнату за прилавком по каменным ступеням вбежал Ёдзи, одетый в футболку и сандалии. Едва увидев Тацую, он выдохнул с облегчением.

— Ты чего телефон выключил?! Я как услышал про обморок твоего отца, сразу бросился звонить, а «аппарат абонента выключен». Дома у тебя тоже никого!..

Тацуя в ответ вытащил телефон из заднего кармана штанов, словно только сейчас вспомнил о нём. Он выключил его, когда пошёл в больницу, и с тех пор не включал.

— В больницу уже не пускают, знаешь, как я набегался?!

Лишь тогда Ёдзи заметил перчатки на руках Тацуи и Ёсихико. Осмотрев парней, он замер, продолжая тяжело дышать.

— Вы чего делаете?

— Ёдзи! Вы очень вовремя! — крикнул Ёсихико, протягивая ему пару свежих рабочих перчаток.

Им очень не хватало рабочих рук.

— Помогите нам, мы идём на чердак.

— Чердак?

Ёдзи не сразу сообразил в чём дело, так что Ёсихико пришлось коротко всё объяснить. Вскоре они продолжили работать уже втроём.

— Куда ты намылился в такой час?

Прекрасная жена Окунинуси-но-ками вышла на крышу дома Хоноки с банкой пива в руке и обратилась к своему мужу, чья толстовка без конца хлопала на ночном ветру.

— О? А я думал, ты спишь.

После того, как Ёсихико в спешке умчался в Вакаяму, пара богов и одна человеческая девушка всё-таки поужинали на кавадоко, а затем устроили очередную пьянку дома у Хоноки. Самой

Хоноке хватило улуна и апельсинового сока, чтобы устать и лечь спать. Окунинуси-но-ками убедился, что его жена как следует напилась и заснула, после чего попытался тайно уйти из дома.

— Я спала. Ты разбудил меня, когда уходил, — обворожительно улыбнувшись, Сусэрибимэ грациозно подошла к мужу по неровной черепице.

Окунинуси-но-ками протянул руки, обнял жену и улыбнулся ей.

— А я думал, что вышел тихонько.

— Не только поэтому. Когда мы ужинали на кавадоко, ты был каким-то нервным.

Высокие боги одним своим видом украшали пейзаж. Они затмевали собой даже блеск звёзд в летней ночи.

Сусэрибимэ обвила руками шею мужа и посмотрела точно в его глаза.

— Ты ведь собираешься к Ёсихико?

Окунинуси-но-ками ухмыльнулся. Его жена уже знала ответ.

— Ты как всегда очень проницательна.

— Это было ещё проще, чем уличить тебя в измене.

— Об этом... давай как-нибудь в другой раз

Окунинуси-но-ками отвёл взгляд. Конечно, он старался сдерживать себя, но мало ли какие боеприпасы приготовила жена.

— Как только я услышала, что заказ Ёсихико связан с Вакаямой, я сразу поняла, что тебя мучает, — Сусэрибимэ самодовольно ухмыльнулась и разжала объятия. — Но не помогай ему сверх меры, иначе рассердишь Когане. Ты и без этого уже подарил тем женщинам немало благосклонности.

— Не волнуйся, я иду только посмотреть, — Окунинуси-но-ками пожал плечами и улыбнулся.

В древние времена в краю Идзумо жил одноимённый клан, почитавший Окунинуси-но-ками. Со временем клан разросся настолько, что выходцы из него поселились и в северном Кюсю, и в Наре, и даже в Вакаяме. Выходцы из клана Идзумо общались и торговали с местными

жителями. Они нашли себе хорошее место, поэтому даже сейчас в низовье реки Кинокава можно найти множество храмов, посвящённых Окунинуси-но-ками. Жители Нагусы тоже не считали клан Идзумо чужаками. Именно поэтому Окунинуси-но-ками не смог остаться безучастным.

— Я даже не знаю подробностей заказа Ёсихико. Что ни говори, это всё-таки его работа. А я... я всего лишь исполняю свой долг, — сказал Окунинуси-но-ками и протяжно вздохнул. — Но в то же время благодаря этому случаю я понял, насколько сильными бывают женщины.

— О, только сейчас? Как странно, я была уверена, что ты давно это понял. Или я тебя слабо пинала? — проворковала Сусэрибимэ.

Окунинуси-но-ками пришлось тут же уточнить, что он имел в виду другое. Сначала он не знал, чем всё закончится, но теперь на горизонте уже маячило решение. Хотелось поскорее со всем разобраться и вернуться домой.

— Ладно, я пошёл, — сказал Окунинуси-но-ками и шагнул в киотскую ночь.

— Возвращайся скорее, Какуриготосиросимэсу-оками, — Сусэрибимэ улыбнулась и помахала рукой, провожая исчезающего в ночи супруга.

Приближался рассвет.

На фоне светлеющего восточного неба уже летела первая птица. Безоблачный небосвод обещал очередной знойный день. И всё же ранним утром воздух был сухим, влажным, пропахшим травой и землёй. Где-то вдалеке гудел мотоцикл — наверное, это почтальон развозил газеты.

Ёсихико поднялся на холм за храмом и посмотрел на дома и поля, пока ещё не освещённые утренним солнцем. Деревня до сих пор дремала в утренних сумерках. Когда-то на этом холме стояло небольшое укрепление, с которого дозорные следили за округой. По преданиям, здесь же погребена голова Тобэ Нагусы, далёкого предка семьи Оно. Но если это и так, могилы уже не осталось. На холме виднелись только следы насыпей и каменных стен.

Несколько часов назад они втроём сдвинули потолочные доски и забрались на чердак. Там им пришлось сражаться с темнотой, паутиной, толстым слоём пыли и птичьим помётом, пока лучи карманных фонарей пытались что-нибудь отыскать. Наконец, они заметили двойной пол в уголке возле восточной стены. В этой нише они отыскивали книгу и деревянную шкатулку, замотанные в промасленную тряпку.

— Может, это и есть то, что искал мой отец?

Они осторожно размотали тряпку. На выцветшей обложке древнего, переплетённого бечёвкой тома виднелось написанное чернилами название: «Книга Нагусы». Ёдзи чуть было не взял старый том голыми руками, но передумал и послал Тацую за новой парой перчаток.

— Что тут написано? — нетерпеливо спросил Ёсихико, пока Ёдзи бережно листал страницы.

Книга была написана одними иероглифами, без хираганы, так что даже Ёсихико понял, что они имеют дело с очень старым материалом. Бумага тоже вся выцвела, в некоторых местах виднелись даже дыры.

— Я в китайском тоже не очень разбираюсь, но сейчас попробую...

Ёдзи постепенно шёл по иероглифам, вчитываясь в них. Вскоре им встретилась знакомая иллюстрация.

— А, это же...

Та самая картина, на которой преклонившая колени Тобэ Нагуса преподносит кандзаси Дзимму. Хотя они до сих пор не знали контекста этой картины, именно она помогла им столько всего выяснить.

— Да уж, он заплачет от счастья, когда прочитает, — восхищённо обронил Ёдзи. — Тут прямым текстом написано, что ради защиты своих людей Тобэ Нагуса признала поражение и преподнесла в дар корону вместе с другими сокровищами.

Ёсихико вздрогнул и задержал дыхание. Похоже, они нашли единственное явное доказательство того, что Тобэ Нагуса действительно капитулировала.

— Значит, у слов моего отца есть основания? — пробормотал Тацую.

Трудно было представить, что творится у него в душе, ведь раньше он считал отцовские рассказы бредом и отказывался к ним прислушиваться.

— Ну, теперь понятно, почему книгу так прятали, — Ёдзи поднял голову. — Она ведь исчезла

на заре Мэйдзи, да? Разумеется, никто не хотел держать эту книгу на видном месте во время реставрации и возвращения императорской власти. Если бы кто-то обратил внимание на материалы, которые спорят с официальной историей, их могли бы конфисковать.

Почти двести лет книга, рассказывающая правду о последних днях Тобэ Нагусы, дремала здесь, на чердаке. Она ждала, когда потомки вспомнят о предках и захотят раскрыть их секреты.

— Что в коробке, Ёдзи? — спросил Тацуя, показывая на деревянную шкатулку, которую они нашли вместе с книгой.

Она выглядела довольно заурядной, но была слишком маленькой для настенных свитков и слишком длинной для посуды. Убедившись, что шкатулка не запечатана, Ёдзи осторожно открыл крышку. Внутри снова была промасленная бумага, под ней — фиолетовый свёрток.

Внутри которого они нашли алые предметы.

— Это же...

Ёсихико ахнул.

В фиолетовой ткани лежало пять ракушек — точно таких же как на кандзаси Амэномитинэ-номикото. Сверху в них были дырочки словно для нитки, одна из ракушек была помятой. Но хотя все они несколько поблекли от возраста, алый цвет по-прежнему легко узнавался.

— Значит, остались только украшения...

Ёдзи развернул листок бумаги, который лежал в коробочке. На нём была нарисована та же кандзаси, что на картине. Украшения были покрашены красным и выглядели в точности как ракушки в шкатулке. Кто-то нарисовал кандзаси, чтобы внешний вид украшения не забылся навсегда.

Не просто кандзаси, а корона королевы Нагусы.

— Ну да, конечно... Прошло ведь больше двух тысяч лет. Чудо, что сохранились хотя бы украшения... — прошептал Ёдзи.

— Но... если Тобэ Нагуса преподнесла эту корону Дзимму, то почему она теперь здесь? — недоумённо спросил Ёсихико.

Мысли спутались, он не понимал, что происходит. И в конце концов, если они отыскиали корону Нагусы здесь, то как тогда объяснить белую кандзаси?

— Ёдзи, тут кое-что ещё.

Если Ёсихико застыл в недоумении, то Тацуя заметил под крышкой шкатулки записку, достал и протянул Ёдзи. Как и книга, записка была на китайском. Чем дальше Ёдзи читал, тем сильнее хмурился.

— Слушайте... это же...

Содержимое этой записки могло перевернуть с ног на голову мировоззрение кое-какого бога.

— Тобэ Нагуса предложила корону Нагусы Дзимму, но тот не принял подарок. Вместо этого он назначил Тобэ первой правительницей Кинокуни. Однако в битве перед капитуляцией она получила глубокие раны и вскоре скончалась... — повторил Ёсихико услышанный от Ёдзи пересказ записки, глядя в светлеющее восточное небо.

Они работали всю ночь. Ёдзи и Тацуя не выдержали усталости и легли спать в конторе. Ёсихико тем временем доел остатки торта Хоноки и тихонько вышел наружу. В конечном счёте, как только просыпался голод, все мысли о происхождении пшеницы отходили на второй план, уступая место благодарности за еду.

— После смерти Тобэ Нагусы её останки разделили на три части: голова, живот и ноги. Их похоронили в разных местах... и голову — именно здесь.

Ёсихико осторожно открыл деревянную шкатулку и достал из неё одну из ракушек.

— Видимо, поскольку здесь голова, с ней оставили и часть кандзаси? — спросил он, обращаясь к Когане неподалёку.

— Не знаю. Возможно, её оставили потомкам, чтобы помнили о ней. Лишь тем людям ведомо, для чего это было сделано.

Лис молча наблюдал, как современные люди пытаются разобраться в делах, случившихся две с лишним тысячи лет тому назад. И сейчас, когда Ёсихико во всём разобрался, он почему-то выглядел радостным.

— Я одного не пойму. Если её не казнили, то для чего было делить тело на три части?

Записка в шкатулке ничего не говорила на эту тему. В древности было принято хоронить, не сжигая, но это не объясняло, для чего разделили останки. Возможно, так распорядился Дзимму, но для чего так поступать с женщиной, которая стала правительницей Кинокуни по его приказу? Возможно, ближе всего к истине отец Тацуи, который полагает, что к этим останкам относились как к святым мощам.

— Но это же надо было придумать — расчленив женщину, которая защищала деревню...

Ёсихико опустил взгляд на алые украшения. Неужели древние люди считали, что так можно?

— Есть много вещей, которые кажутся непонятными современным людям, — Когане подошёл к Ёсихико и посмотрел на него зелёными глазами. — Но поскольку это не связано напрямую с заказом, я тебя просвещу.

Ёсихико посмотрел на лиса, озадаченный неожиданным заявлением.

— Возможно, Тобэ Нагуса сама попросила о том, чтобы её остатки расчленили.

— Сама?... — Ёсихико нахмурился.

Что за человек будет просить о том, чтобы его останки разделили на части?

— Да, — Когане кивнул и снова посмотрел на Ёсихико рассудительным взглядом. — Не думаю, что ты поймёшь её, ведь ты родился в благополучное время.

Ёсихико озадаченно покрутил головой. Разве Окунинуси-но-ками уже не говорил о том же самом?

— Ты сейчас про голод?

Казалось бы, при чём здесь Тобэ Нагуса?

Солнце поднималось на восточными горами, постепенно окрашивая землю в утренний цвет, почти не отличимый от цвета качающегося хвоста Когане.

— Проголодавшись, ты съел этот свой торт, совсем не задумываясь о том, откуда взялась пшеница. Будь ты по-настоящему голоден, стал бы вообще капризничать?

Ёсихико притих. Слова скользнули по его коже, словно острый клинок. Снова вспомнились

слова Окунинуси-но-ками, который призвал не забывать о том, что в одно время голода боялись больше всего на свете.

Котаро говорил, что в древности война была крайним средством — в первую очередь думали о том, как обеспечить себя пропитанием и выжить.

Он не думал, что древний страх перед голодом найдётся так близко.

— Из расчленённого тела Огэцухимэ-но-ками проросли растения — это одно из самых простых и ясных явлений в мире живого. Именно поэтому с древних времён не только в Японии, но и во всём мире ходят сказания о том, как тела дают жизнь еде, которая кормит живых.

Когане оглянулся на заросшую площадку позади себя. Где-то под ней была похоронена голова Тобэ Нагусы.

— Я не удивлюсь, если Тобэ Нагусы тоже слышала эти легенды.

А вместе с головой — последнее желание королевы Нагусы.

Часть 3

— Надо же, лакей! Ты сегодня на удивление рано.

Обнаружив на чердаке храма корону Нагусы, Ёсихико не лёг спать, а подождал несколько часов и поехал в храм Амэномитинэ-но-микото на первом утреннем поезде. После короткого приветствия Ёсихико вернулся на станцию, и уже скоро бог и сам прибежал туда, на сей раз не став прятать лицо за маской.

— Хотел поскорее сообщить тебе.

Вздревшувший Тацуя уговаривал товарища тоже прилечь, но вскрывшаяся правда настолько взбудоражила Ёсихико, что ему совсем не хотелось спать.

На станцию приходили только местные электрички, и ранним утром здесь никого не было. Зажужжали просыпающиеся цикады, прохладный воздух постепенно наполнялся теплом. В доме напротив станции раскрыли сочные лепестки ипомеи, ещё не успевшие отцвести.

— Я выяснил, кому принадлежала белая кандзаси, — заявил Ёсихико.

Амэномитинэ-но-микото округлил глаза, но в его взгляде была не радость, а сложная гамма чувств.

— Ясно... Значит, вот он, момент истины, — Амэномитинэ-но-микото невольно положил руку себе на грудь. — Сейчас я узнаю причину моего страха...

Ёсихико подвёл бога поближе к скамейке, а сам тем временем скрипел зубами. Сейчас, когда он уже знал правду, смесь желания всё вспомнить и страха перед знанием казалась Ёсихико невыносимо трогательными. Ведь они — последствия того, что когда-то бог упрямо пытался исполнить свой долг.

— Да, я всё выяснил, — продолжил Ёсихико, стараясь говорить спокойным голосом. — Амэномитинэ-но-микото. Ты забыл, но на самом деле помнишь. Именно поэтому ты ощущаешь вину за забытое прошлое. Ты знаешь, что его нельзя было забывать.

Ёсихико заморгал. Ему казалось, он плачет невидимыми слезами. Он исполнил уже много заказов и повидал всякое, но такого с ним ещё не было.

— Что это значит?.. — озадаченно переспросил Амэномитинэ-но-микото.

Ёсихико показал ему шкатулку, которую одолжил на время у Тацуи, открыл и достал дремавшие на дне алые украшения.

— Это же!.. — Амэномитинэ-но-микото вытаращил глаза, едва увидев броский цвет киновари. — Неужели это часть короны Нагусы?..

Сердце Ёсихико ёкнуло от понимания: да, бог действительно забыл, что на самом деле случилось.

А ведь когда-то он знал эту корону лучше многих.

— Да. За долгие годы от неё мало что осталось, но когда-то это действительно была корона, принадлежавшая Тобэ Нагусе...

Кое-как уняв дрожь голоса, Ёсихико сообщил богу правду:

— Твоей старшей сестре.

Две тысячи шестьсот лет тому назад на этой земле жили брат и сестра.

Их судьба затерялась в складках истории, но сохранилась в подробных преданиях.

Амэномитинэ-но-микото застыл с круглыми глазами, не в силах даже переспросить.

— Мы нашли старую книгу, которая хранилась в храме Оно. Дзимму не принял корону и вместо этого назначил Тобэ Нагусу первой правительницей Кинокуни. Но она была сильно ранена и вскоре скончалась, поэтому обязанность пала на её младшего брата, Амэномитинэ-но-микото.

В записке, которую они нашли под крышкой коробки, было сказано о паре кандзаси: красная принадлежала Тобэ Нагусе, а белая — её брату.

После смерти Тобэ Нагусы было решено, что власть в Кинокуни будет формально принадлежать небесному богу, поэтому по приказу людей Дзимму брат взял себе небесное имя: Амэномитинэ-но-микото.

— Неужели ты до сих пор не вспомнил? — спросил Когане, глядя на бога, который до сих стоял на ватных ногах и держался на грудь. — Всё это чистая правда о твоём прошлом.

— Моём прошлом...

Тяжело дыша, Амэномитинэ-но-микото не выдержал и упал на колени.

— Верно, — добил Когане. — Это след твоей жизни как человека.

Алое украшение в руках Ёсихико вспыхнуло, и на миг этот свет затмил собой всё.

— Ята... Аятахико... Ты слышишь?

Когда Ёсихико открыл глаза, вокруг всё изменилось. Он стоял не на безлюдной станции, а на вершине небольшого холма. Перед глазами раскинулось бескрайнее синее море. Над головой простиралось того же цвета небо. В воздухе пахло морской свежестью.

— Ты любишь слишком много на себя брать — и этим губишь себя. Поэтому я так долго колебалась. Но я увидела, что у тебя много единомышленников, и благодаря им ты не собьёшься с пути, — сказала мужчине по имени Аятахико женщина с красной кандзаси, изысканно звенящей на ветру.

Судя по бледному лицу и посоху, на который она опиралась, у неё были проблемы со здоровьем.

— Я доверяю тебе больше, чем кому-либо, и именно поэтому решила оставить эту землю тебе. Больше никому. Следующая женщина, которая могла бы взять имя Тобэ Нагусы, ещё не выросла...

Имя «Тобэ Нагуса» переходило от одной правительницы земли Нагуса к следующей. Но сейчас, увы, у неё не было взрослых наследниц. Тем более, что реальная власть уже перешла людям Сану, и старые правила уже не работали.

— О чём ты?! Кая... то есть сестра моя, ты так говоришь, словно... — воскликнул Аятахику, в волосах которого тоже виднелась кандзаси, но белая.

Его фраза оборвалась на полуслове, когда он посмотрел в мудрые глаза старшей сестры. В благородные глаза королевы Нагусы.

— Я знаю своё тело лучше, чем кто-либо другой. Киё не хотела пускать меня сюда. И даже когда я уговорила её, меня пришлось везти на паланкине. Я почти не чувствую рук и ног. Не понимаю, как я вообще ещё стою... Недолго мне осталось.

— Нет... — простонал Аятахику в ответ, падая на колени. — Это я должен был получить рану, а не ты. И это именно я высказался за битву против войск Сану!.. — выдавил он из себя и так замотал головой, что белая кандзаси зазвенела. — Разве могу я править этой землёй?..

— Именно поэтому и можешь, — укоризненно вставила сестра. — Именно поэтому ты должен вести остальных за собой. Защищай историю всех, кто жил на этой земле! — почти кричала она, словно стараясь придать себе сил. — Если чувствуешь, что виноват предо мной, то и тащи на себе эту досаду до конца дней своих!

Она лучше чем кто-либо осознавала жестокость своих слов. Но она понимала, что с этой землёй может случиться что угодно, если клан Нагуса потеряет власть. Возможно, люди Сану прогонят её народ и заберут себе плодородные земли. Пускай на правах марионетки, пускай с утратившей силой короной, но во главе этой земли должен стоять человек из Нагусы.

— Сестра!..

Не выдержав, Аятахику заплакал. Сестра была королевой, а он — её помощником и брал на себя многие насущные вопросы.

У них не было других братьев и сестёр, поэтому они всегда помогали друг другу.

Он потерял своего лучшего друга Охико, сдался на милость Сану и оказался посреди быстро

меняющегося мира. Поэтому ему было особенно невыносимо слышать о том, что отныне он должен нести груз власти в одиночку.

— Аятахико... Скоро я покину этот мир, но ты не останешься один, — объявила Тобэ Нагуса, взмахом руки попросив брата поднять голову. — Не забывай, — приказала королева властным голосом, бившим в самое сердце, и улыбнулась. — Не забывай, что на теле моём будет расти урожай, а душа моя станет ветром и будет вечно присматривать за тобой.

Морской бриз вновь принёс аромат соли.

— Помни, что когда дует ветер, это я стою возле тебя.

Она оседлает бесконечный ветер, чтобы защищать землю и людей, что живут на ней.

— Сестра... Сестра Кая!.. — срываясь на всхлипы воскликнул Аятахико, невольно называя её по имени из детства.

Он так и не привык называть её Тобэ Нагуса. Королева смущённо улыбнулась — брат напомнил ей плачущего ребёнка.

— Ты остался таким же как в детстве, Аята.

Всего на миг она улыбнулась с нежностью. В этой улыбке было всё:

И их беготня наперегонки вдоль колосющихся полей.

И бегство от взрослых после очередной проказы.

И прогулки рука об руку под закатным солнцем.

— Я так рад, что был твоим братом...

Снова подул ветер, смахивая с щеки Тобэ Нагусы её последнюю слезу.

Ёсихико зажмурился, не выдержав нахлынувших чувств. В ушах раздался высокий, чистый звон украшений кандзаси...

— Я вспомнил...

Когда Ёсихико снова открыл глаза, он уже стоял на безлюдной платформе. Рядом плакал в свои ладони Амэномитинэ-но-микото.

— Да, это я... Я был Аятахико... Я был младшим братом Тобэ Нагусы, королевы этой земли!.. — с трудом произнёс он.

Ёсихико не знал, какими словами ответить на это полное боли признание.

Скорее всего, Амэномитинэ-но-микото берёг кандзаси, потому что чувствовал связь со своей сестрой. После её смерти он стал фактическим правителем Кинокуни, но не притронулся к короне Нагусы, потому что, во-первых, не считал её своей, а во-вторых — настолько уважал свою сестру, что не мог представить кого-то другого на месте королевы Нагусы.

— После смерти меня начали почитать как бога, и мне было очень неловко. Сестра доверила мне эту должность, и я не мог отделаться от мысли, что на моём месте должна быть она... — в слезах поведал Амэномитинэ-но-микото, сидя на земле. Казалось, он за что-то кается. — Со временем я растерял силу и память, не помнил даже самого себя... Я всерьёз поверил, что снизошёл на землю с небес в качестве телохранителя Нигихаяи-но-микото...

Его память утонула в песках забвения, и лишь одно воспоминание осталось в нём незыблемым кристаллом — память о чувстве долга, которое заставляло его вести себя как подобает богу и наставлять людей.

Как бог он должен...

Как бог он должен...

Он должен быть здесь. Он должен существовать.

Ради Кинокуни. Ради людей.

Он не помнил, откуда взялось это чувство. Он не понимал, почему это стремление осталось в нём даже после того, как он забыл самого себя.

Но теперь вспомнил, что это было его обещание сестре.

Амэномитинэ-но-микото вжался лбом в старый бетон платформы, рыдая навзрыд.

Перед смертью сестра просила его защищать историю всех, кто жил на этой земле.

Ёсихико вытер слёзы со своих щёк. Теперь он понял страх Амэномитинэ-но-микото перед кандзаси — в его основе лежала мысль, что сестра погибла по его вине. Он боялся вновь ощутить тоску и печаль, которые пережил в тот раз. Когда он потерял силу и уверенность в себе, ему пришлось подменить свои воспоминания другими, потому что иначе он бы не выдержал. Он бы не смог вынести мысли о том, что сестра погибла по его вине и что именно она должна была находиться на его месте.

Но Ёсихико не считал бога слабым.

Бессмысленно даже гадать, сколько он страдал из-за этих мыслей.

— Амэномитинэ-но-микото, — Ёсихико опустился на колени и положил руку на плечо бога. — Ты настоящий герой. Ты решил вспомнить прошлое несмотря на свой страх.

Ни утекающая сила, ни потерянные воспоминания не заглушили крик его души.

Амэномитинэ-но-микото медленно поднял голову и посмотрел Ёсихико в лицо. Возможно, он и на Тобэ Нагусу смотрел такими же заплаканными глазами.

— Ещё при жизни ты блестяще справился со своим долгом и стал прародителем людей, которых сейчас называют Киикокудзо. Вот за что тебя почитают как бога. Ты добился этого сам, а не как замена своей сестре.

— Лакей...

Из глаз Амэномитинэ-но-микото снова брызнули слёзы. Ёсихико вложил алые украшения в руку бога.

Спустя более двух тысячелетий сестра и брат встретились снова.

— Ты выполнил своё обещание, — заявил Ёсихико, полностью уверенный в своих словах.

По безлюдной станции пронёсся ветерок.

Зашелестели листья и трава. Невидимое полотно пробежало по земле и взмыло в небеса. Его край легонько пощекотал Амэномитинэ-но-микото и улетел дальше игривым танцем, принеся с собой до боли знакомый аромат морской соли...

— Ну что, Ёсихико выполнил заказ?

Возле вершины холма Нагусы, на котором древние обитатели этой земли когда-то молились богам, Окунинуси-но-ками разговаривал с золотистым божественным лисом.

Солнце уже поднялось на ясное небо, и его безжалостный свет заливал всю округу. Лис окинул взглядом город перед ними и вздохнул.

— Я боялся, что он не справится, но Ёсихико вернул воспоминания Амэномитинэ-но-микото и разгадал тайну кандзаси. Думаю, душе Тобэ Нагусы станет немного легче.

Сейчас рядом с холмом бежали рельсы, а вокруг стояли бесконечные дома, но когда-то с этой вершины открывался вид на море. Возможно, когда-то именно здесь Тобэ Нагуса доверила своему младшему брату управление краем Кинокуни.

— Станет немного легче... Да я думаю, она будет просто счастлива. Она очень переживала на Амэномитинэ-но-микото, который постоянно терял силу, и волновалась за семью Оно, своих далёких потомков, — сказал Окунинуси-но-ками и посмотрел в голубое небо.

Когане наморщил морду.

— Так значит, ты всё это время думал о Тобэ Нагусе? — спросил он.

— А то! — Окунинуси-но-ками ухмыльнулся. — Видишь ли, именно я занимался вопросом её переселения в мир мёртвых, — бог сложил руки на груди. — Во всём мире нет ни единого храма, где ей поклонялись бы как Тобэ Нагусе. В своё время никому не хватило смелости так сделать — а что, если кто-то спросит, почему разбойницу, воевавшую против Дзимму, почитают как богиню? Да и сама она не горела желанием. Но среди её потомков сохранились легенды, в которых она считается богиней. Из-за этого она оказалась в очень сложном состоянии.

Окунинуси-но-ками снял капюшон и вздохнул.

— Обычный человек на её месте давно бы ушёл в мир мёртвых, но она упрямо оставалась в мире живых. Говорила, её здесь держит обещание. Но хотя легенды о ней и передавались из поколения в поколения, сегодня о ней уже почти никто не знает. Её не почитают, не подпитывают энергией, поэтому она постоянно слабеет, и это может закончиться тем, что она просто бесследно исчезнет.

Поскольку Когане всегда ходил вместе с Ёсихико, он уже знал о том, что только отец Тацуи и кучка его знакомых знают и постоянно думают о Тобэ Нагусе. Все, о ком забывают люди, постепенно растворяются и исчезают в коллективном бессознательном.

— Нагуса много помогала выходцам из Идзумо, так что не мог я поступить с ней строго. Поэтому мучился и не знал как быть. Жалко было видеть, как исчезает такая сильная душа, и я ей между делом предлагал: мол, не пора ли в загробный мир? А последние сто лет Амэномитинэ-но-микото терял память...

Бог вздохнул. На самом деле, он был известен не только как Окунинуси-но-ками, но и как Какуриготосиросимэсу-оками, хозяин загробного мира, повелитель мертвецов. Он получил эту должность одновременно с тем, как передал Идзумо небесным богам.

— Она ответила, что ей не до этого, она переживает за брата. И, мол, не может глаз отвести от потомков, пока у них такие трудности.

— Ты её лично просил, а она всё равно отказалась? Какая упрямая королева, — лис вздохнул.

Похоже, даже после смерти эти женщина намеревалась держать слово и присматривать за Амэномитинэ-но-микото.

— Поэтому мне нужно было разобраться с этим делом как можно скорее. А тут Ёсихико удачно получил заказ от Амэномитинэ-но-микото! Подарок от старших богов, не иначе.

Окунинуси-но-ками говорил с таким пафосом, что Когане даже поморщился. Теперь он понял, почему бог так удивился, когда узнал, что в молитвеннике всплыло именно это имя.

— Вот почему ты, в своё время отдавший страну, постоянно маячил перед ним и заставил выслушать рассказ об Огэцухимэ-но-ками?

— Что ещё мне оставалось делать? Я думал, что разгадки тайны кандзаси не хватит, чтобы донести до Амэномитинэ-но-микото послание Тобэ Нагусы. Мне стоило огромных трудов даже объяснить, что на останках всходят растения, — Окунинуси-но-ками обаятельно улыбнулся. — Но на этом моя помощь закончилась. К собственно заказу я даже не притрагивался. И раз уж речь зашла о подсказках, сама Тобэ Нагуса вообще была на грани фола.

— Что?! — Когане вытаращил глаза. — Тобэ Нагуса тоже помогала?!

Лис так и застыл с раскрытой пастью. Неужели даже источник загадки о кандзаси помогал с решением?

Окунинуси-но-ками самодовольно сложил руки на груди.

— Она помогала брату и потомкам, потому что переживала за них. Слышал же, что отцу Тацуи приходила во сне женщина? Вот это она и была. Сейчас у неё слишком мало сил, чтобы показываться в этом мире, но когда сознание того мужчины совсем ослабло, она смогла донести до него подсказку.

Когане задумчиво повёл ушами. Получается, в этом деле сплелись мысли и замыслы многих богов, людей и даже мертвецов. С одной стороны, он чувствовал себя пешкой в чужой игре, а с другой — полагал, что справившийся Ёсихико заслужил похвалы.

— Может, это она же спасла от смерти дочь, когда та попала в аварию?

Боги не могут прямо вмешиваться в жизнь людей, но духи кровных родственников — другое дело. Будучи богом, лис прекрасно знал об этом правиле. Несмотря на тяжелейшую травму, дочь всё-таки не рассталась с жизнью — возможно, её кто-то всё-таки защитил.

— Нет, не она, — уверенно возразил Окунинуси-но-ками. На вершине подул ветерок, и бог прищурился. — Жизнь дочери спасла мать.

Когане повернул морду и посмотрел на Окунинуси-но-ками. Он слышал, что Нанами, мать Тацуи, погибла ещё давно.

— Похоже, она продолжала заботиться о детях, даже потеряв тело.

И снова сработало право кровных родственников.

— Значит, за всё надо благодарить силу женщины... вернее, матери? — Когане вновь посмотрел на город перед собой.

Сила рожать детей, мужество их защищать и любовь, настолько сильная, чтобы даже после смерти превратить своё тело в источник пищи.

— Думаю, королева всегда будет частью ветра и почвы этой земли, — продолжил лис.

Возможно, когда-нибудь она сольётся с ветром воедино. Вдруг это и есть её настоящее завещание?

— Ага, я так и подумал. Теперь ещё Амэномитинэ-но-микото её вспомнил, так что Тобэ Нагуса вернула себе часть силы, — отозвался Окунинуси-но-ками, поднял руки и пожал плечами. Видимо, он пытался сказать, что теперь её уже точно в загробный мир не утащить. — Если честно, мне кажется, что это к лучшему. Такие люди делают мир интереснее, — он посмотрел на далёкое море ясными глазами. — В общем, мне больше можно не ломать голову над этим вопросом. Осталось лишь выяснить, что там Ёсихико...

Окунинуси-но-ками прервался, не договорив, и застыл как вкопанный. Когане, заметив это, резко повернул голову и посмотрел в ту же сторону.

На юге собрался сильнейший сгусток силы, подхватил одну душу и исчез в белом здании на берегу моря. Всё произошло так быстро, что они и глазом моргнуть не успели.

— Да он... Да как он посмел!.. — протянул, щетинясь, Когане.

Окунинуси-но-ками расхохотался в ответ.

— Я сделаю вид, что ничего не видел, — с трудом выговорил он, вытирая слёзы смеха. — И он так-то тоже предок. Ты не можешь упрекать его во вмешательстве...

— Да ведь всех людей Японии можно назвать его...

— Поэтому сделаем для него исключение, — Окунинуси-но-ками улыбнулся и посмотрел в небо. Свежий ветерок колыхал его волосы. — Ради сестры, у которой был такой неловкий младший брат.

В одиннадцатом часу из окрестностей станции Кайнан исчезли идущие на работу люди, их место заняли туристы. Очередной поезд выгрузил пассажиров, которые пройдут турникет и исчезнут в толпе. Кто-то войдёт — и поедем дальше.

Ёсихико стоял в тени на парковке под железнодорожным мостом и ждал Тацую. Рядом Амэномитинэ-но-микото прижимал к себе шкатулку с кандзаси сестры и нервно смотрел по сторонам.

— Я не понимаю, куда исчез господин Когане...

Лис пришёл на станцию вместе с Амэномитинэ-но-микото, который опять прикинулся Китадзимой, но потом Ёсихико отвлёкся посмотреть расписание, повернулся обратно — а Когане уже и след простыл.

— Возможно, у него появились срочные дела.

— Сказал бы хоть, если так.

Поскольку Когане был богом, Ёсихико мог вернуться в Киото, не дожидаясь его — всё равно лис легко найдёт дорогу обратно в дом лакея. Его волновало, что лис мог отвлечься на какое-то угощение и прямо сейчас пускал где-то слюни. Может, стоило поделиться с ним тем тортом?

— Хагивара!

Ёсихико почти не спал и не ел, поэтому сейчас даже не заметил, как со стороны станции появился человек, которого он дожидался.

— Прости, задержался.

Прямо к нему спешил Тацуя, с которым они расстались у храма сегодня же утром. Сейчас он уже пришёл на работу, поэтому был одет в футболку поло с логотипом магазина.

— Ничего страшного. Это ты прости, что от работы отвлекаю, — извинившись, Ёсихико указал взглядом на юношу возле себя. — Это Китадзима. Я привёл его, потому что он очень хотел встретиться с тобой.

Амэномитинэ-но-микото низко поклонился.

— Ты, вроде, уже приходил вместе с Ёсихико, — Тацуя озадаченно кивнул в ответ, всё-таки вспомнив прошлую встречу.

Амэномитинэ-но-микото шагнул вперёд и, нервничая, протянул Тацуе шкатулку.

— Если вы не возражаете, я возвращаю её. Премного благодарен, что вы разрешили Ёсихико взять эту драгоценную вещь.

Тацуя вскинул бровь — он не ожидал от подростка такой цветастой речи — но послушно принял шкатулку.

— Я хотел бы, чтобы вы хранили её и дальше. И, пожалуйста, не забывайте о моей сестре — о Тобэ Нагусе, — непринуждённо попросил юноша.

Тацуя вытаращил глаза. Ёдзи перевёл записку под крышкой шкатулки, так что Тацуя знал её содержимое и мигом понял, кто именно мог называть Тобэ Нагусу своей сестрой.

— Неужели ты... — он таращился на юношу, не веря своим глазам.

— Да, это я... может быть.

Юноша так и не решился твёрдо объявить себя богом.

Ёсихико усмехнулся.

— Мы нашли корону Нагусы, и благодаря этому я смог выполнить заказ. Оказалось, белая кандзаси принадлежала младшему брату Тобэ Нагусы.

Тацуя опустил взгляд на шкатулку, осторожно открыл крышку и ещё раз посмотрел на красные ракушки, некогда украшавшие кандзаси. Он не хотел слушать отца, поэтому наверняка не сразу согласится с правдой даже при виде таких доказательств, и всё-таки сейчас это уже вопрос времени — причём не слишком отдалённого.

— Прошу прощения, я хотел бы кое-что сказать. Я долго не решался произнести эти слова, но кроме меня это сделать некому, — решившись, продолжил Амэномитинэ-но-микото, видя растерянность на лице Тацуи. — Пожалуйста, выслушайте меня.

Несмотря на божественную сущность, Амэномитинэ-но-микото казался маленьким и щуплым на фоне Тацуи.

— Тобэ Нагуса, моя сестра, погибла из-за меня, — признался, наконец, бог, и его слова почти утонули в шуме прибывающего на станцию поезда.

Стоявший в тени Тацуя тихонько ахнул.

— Я стал править Кинокуни вместо сестры, но никак не мог отделаться от мысли, что на моём месте должна быть она. Она не погибла бы, если бы не защитила меня. Это она должна была выжить, а не я. Даже став богом, я без конца винил себя за это.

Ёсихико заметил, что Амэномитинэ-но-микото крепко сжал кулаки. Это только казалось, что слова даются ему легко, но Ёсихико помнил, как бог рыдал на станции. Ему пришлось как следует подготовиться, чтобы заговорить об этом.

— Но спустя много лет я растерял силу и до сегодняшнего дня не мог ничего вспомнить. У меня оставался один только страх.

И всё же он решил обратиться к Тацуе, бросаясь в погоню за человеком, который отринул всё и повернулся спиной.

— Благодаря лакею я вернул себе часть воспоминаний и кое-что понял. Ещё до того как сменить имя и стать богом-прародителем Киикокудзо, человек по имени Аятахико во многом полагался на других людей...

Не только он горевал по своей сестре.

Не только он любил королеву, которая настолько заботилась о своём народе, что хотела кормить его даже после смерти.

Не только он плакал, когда она умерла.

Многие люди горевали вместе с ним, помогали ему справиться с утратой, подбадривали и подталкивали.

— Ты не один, — сказал Амэномитинэ-но-микото, и слова его казались ярче даже июльского солнца. — Рядом с тобой всегда будут зримые и незримые помощники, если ты их не отвергнешь. Пожалуйста, помни об этом.

Тацуя стоял как истукан, его глаза растерянно бегали.

— Зримые... и незримые... — пробормотал он и снова опустил взгляд на шкатулку.

Хотя хозяйка этих украшений давно покинула мир, глядя на них, Тацуя почти ощущал на себе её дыхание.

Дыхание незримого человека.

— Почему ты говоришь со мной об этом?..

Тацуя не скрывал своего замешательства — до этого момента его с Амэномитинэ-но-микото ничего не связывало, а теперь бог вдруг обращался с тёплыми словами к человеку, который до недавнего времени считал богов бесполезными выдумками и даже отказался от должности лакея.

— Уж не благодаря ли его сестре? — полушутливо спросил Ёсихико у бога.

— Да, знакомство с Нанами сильно повлияло на меня, но причина не только в этом.

Амэномитинэ-но-микото неловко улыбнулся. На самом деле он просто не мог бросить Тацую одного: будучи младшим братом Тобэ Нагусы, он видел в нём родственную душу. Судьба явно неспроста свела вместе младших братьев двух замечательных сестёр, хотя между ними и было больше двух тысяч лет разницы.

— Ты знаешь мою сестру? — Тацую потрясённо округлил глаза.

— Да. Это было несколько лет назад на мосту Китадзимы, откуда видна спортивная площадка возле реки.

Тацую устался на землю, словно пытаясь что-то вспомнить.

— Китадзима... — он вдруг поднял голову. — Да, точно, она говорила об этом.

Тацую вновь посмотрел на юношу перед собой, раскапывая в памяти разговоры с сестрой.

— Она много говорила о Китадземе, который не знает правил бейсбола...

Амэномитинэ-но-микото вздрогнул и вытаращил глаза.

— Вы тоже помните меня?..

Даже на фоне страха бога перед тем, что однажды утром он не вспомнит и собственного имени, он верил, что хотя бы один человек в мире не забудет его. Но сейчас даже память о той девушке начала размываться. Амэномитинэ-но-микото казалось, что скоро никто уже и не вспомнит Китадзиму, который нашёл себе убежище на том мосту.

— Она просила меня найти Китадзиму, когда у меня будет время... и научить его играть в бейсбол.

Память об облике Китадзимы передалась от сестры брату.

Память о фрагменте бога по имени Амэномитинэ-но-микото.

«Давайте! Не сдавайтесь! Бегите!».

Ёсихико посмотрел по сторонам, будто бы услышав чей-то голос. Но рядом никого не было. Зато бог, на глазах которого вновь проступили слёзы, начал неувовимо светиться.

— Амэномитинэ-но-микото...

— Лакей! Мне кажется, теперь у меня всё получится! — Амэномитинэ-но-микото перебил Ёсихико, безуспешно вытер слёзы и широко улыбулся. — Я смогу вернуть себе позабытый облик!

С этими словами Амэномитинэ-но-микото бросился бежать.

Худые ноги несли размахивающего руками бога над бетонными плитами парковки. Он запрыгнул на бордюр и вдруг взмыл в небеса, будто устремившись к слепящему солнцу по незримой лестнице.

— Э? Серьёзно?!

Ёсихико проводил убегающего бога ошарашенным взглядом, не в силах переварить происходящее. Рядом ахнул Тацуя.

Одежда бегущего Амэномитинэ-но-микото ветшала и исчезала, уступая место плотным одеяниям из звериных шкур. На каждом шаге бог и сам становился выше и сильнее, ноги обросли крепкими мышцами и теперь, казалось, могли донести его куда угодно. В загорелых руках появился практичный, остро заточенный меч, а длинные волосы собрались в пучок на макушке, скреплённый сверкающей белой кандзаси.

— Так вот он какой... настоящий Амэномитинэ-но-микото...

В нём уже было не узнать щуплого парня с собранными у висков волосами, ожерельем с магатама и бутафорским мечом, усыпанным драгоценными камнями.

Теперь это был самоотверженный защитник Киикоку, получивший эту землю в наследство от своей сестры.

Уважаемый человек по имени Аятахико, после смерти ставший богом Амэномитинэ-но-микото.

Взбежав по невидимой лестнице, бог призвал перед собой облако, встал на него и развернулся. Лицо его казалось мужественным, хоть и сохранило знакомые юношеские черты.

— Лакей и младший брат. Я не знаю слов, которыми мог бы достойно отблагодарить вас, — несмотря на огромное расстояние, голос звучал ясно и чётко. — Я не думал, что хоть раз вновь почувствую эту мощь. И благодарить я должен лишь вашу заботу.

Прекрасный, мужественный бог ослепительно светился, стоя на поднимающемся облаке.

— Пожалуй, я наслажусь объятиями небес Кинокуни, пока эта форма не покинула меня. Слишком уж жалко просто вернуться в храм.

Бог улыбнулся Ёсихико и Тацуя, отвечая на их ошарашенные взгляды, и посмотрел в небеса, будто что-то в них выискивая.

— И если вдруг встречу потерявшуюся девочку — скажу ей, чтобы возвращалась к семье.

Стоило Амэномитинэ-но-микото договорить, как свет вокруг него вспыхнул ещё сильнее. Он сиял словно солнце, и Ёсихико пришлось заслонить глаза рукой. Вдруг с небес ударил порыв ветра и отозвался в ушах не только свистом, но и звоном божественной кандзаси.

Эхо ясного звона текло по ушам чистым ручьём — это украшение будто радовалось тому, что вернулось к своему сильному хозяину...

Когда ветер стих и Ёсихико с Тацуйей боязливо подняли глаза, Амэномитинэ-но-микото уже не было. Над головами виднелось лишь ничем не примечательное июльское небо, солнце висело лишь одно, и только синева небес казалась чуть глубже от его яркого света. По кольцу неподалёку проехало такси, обдав футболку Ёсихико горячим воздухом.

— Э-э... Слушай, Оно, ты ведь тоже это видел? — нарушил Ёсихико тишину недоумения и растерянности, которая повисла между ними.

Может, он просто получил тепловой удар и воображал невесть что?

— Кажется, видел... — неуверенно ответил Тацуя, не скрывая своего смятения и без конца бегая взглядом.

Снова повисла тишина, нарушаемая грохотом поезда, едущего по мосту над их головами. Он остановился на станции, еле слышно прозвучало объявление, и поезд поехал вновь. Из ступора парней вывёл лишь клаксон машины, заезжающей на стоянку. Опомнившись, они дружно отошли к стене.

— Знаешь, что... — пробормотал Тацуя, глядя вслед исчезнувшему Амэномитинэ-но-микото. — Кажется, работа лакея лучше, чем я думал.

Ёсихико подумал, что ослышался, и недоумённо посмотрел на товарища.

Тацуя слабо улыбнулся и опустил взгляд на деревянную шкатулку и алые украшения.

— Осталось только показать их отцу.

— Оно...

Неужели это жаркое лето всё-таки растопит лёд?

— Ладно, мне уже пора... — Тацуя бросил взгляд на часы на кольце и закрыл шкатулку.

— А... Ах да, у тебя же работа, — Ёсихико невразумительно улыбнулся и помахал рукой, не зная, что ещё сказать.

— Счастливого добратья до дома, — сказал Тацуя и пошёл в магазин, но почти сразу остановился, потому что из его кармана раздался звонок мобильного.

— Прямо сон наяву какой-то... — пробормотал себе под нос Ёсихико, доставая из сумки молитвенник.

Он и сам не заметил, когда именно поверх имени Амэномитинэ-но-микото появилась красная печать с изображением кандзаси. Увидев её, Ёсихико медленно вздохнул, испытал прилив облегчения. Скорее всего, возвращение прежней формы Амэномитинэ-но-микото — лишь временное явление, которое Ёсихико уже видел на примере Хитокотонуси-но-оками. Вскоре он снова превратится в шуплого парня, но продолжит изо всех сил защищать Киикоку.

— Но ничего, он даже худой и с маской на лице не так уж плох, — Ёсихико улыбнулся, машинально поглаживая печать.

— Что?.. Хорошо, я понял! — вдруг раздался за спиной голос Тацуи, заставив Ёсихико обернуться. — Сейчас буду! — воскликнул Тацуя на тон ниже обычного, закончил разговор и застыл на месте, словно выпав из реальности.

— Что случилось? — спросил Ёсихико, подойдя к товарищу, но Тацуя заметил его лишь спустя несколько секунд.

— Моя сестра... — проговорил он словно в бреду. — Они сказали, она... произнесла своё имя.

Тацуя моргнул, борясь со слезами. Казалось, он и сам не верил в эти слова, пока не произнёс их вслух.

Что это — чудо, случившееся спустя четыре года?

Или же то, о чём сказал им стоявший на облаке бог?..

Тем временем Ёдзи, гулявший по территории храма и протиравший сонные глаза, вдруг ощутил порыв сильного ветра.

— А...

На сей раз это было не слабое, вялое дуновение, которых стало так много в последние годы, а могучий, освежающий порыв, словно спустившийся с самих небес. Одежда священника громко хлопнула, волосы растрепались, щёки ощутили прохладу. Ветер ворвался в молельный павильон, наполняя его лёгким запахом морской соли. Фурины, которые Ёдзи подвесил к потолку, дружно зазвенели, словно пробуждаясь ото сна.

Длинные и короткие, громкие и тихие, чугунные и стеклянные — все они пели на разные лады, шелестя подвешенными листками; все дрожали, звеня чистыми голосами. От хора непохожих, но прекрасных мелодий Ёдзи мерещилась радуга как после грибного дождя.

— Во-от, вот такого ветра я и ждал! Только от него фурины звенят как надо! — Ёдзи набрал полную грудь щекочущего нос воздуха, словно ненадолго вернувшись в детство, проведённое в этом же храме.

Среди звенящих в молельне фуринов был и ракушечный, который в своё время сделала семья Тацуи — сегодня утром он решил всё-таки оставить его в храме.

— Да, прекрасный ветер... — повторил Ёдзи, посмотрев на этот фурин, и с улыбкой уставился в небеса.

Но ему было не суждено насладиться симфонией — в кармане заиграл телефон.

— Кто там так невовремя?! А, Тацуя... Алло. Э-э, что?

А фурины все исполняли свою нежную песню, подгоняемые игривым ветром и наполненные узами всех семей, которые их делали.

— Ёсихико! Сейчас не время для сна!

После возвращения из Вакаямы невыспавшийся и измотанный Ёсихико прислушался к своему телу и благополучно спал до вечера, пока его не растолкал бессердечный Когане, с которым они так и не встретились в Вакаяме.

— Чего тебе?..

Припозднившийся лис постучал лапой по лицу Ёсихико и стащил у того одеяло и подушку. В нём не было ни капли желания оставить в покое усталого лакея.

— У меня важные новости, так что садись как подобает! — бесцеремонно крикнул лис в ухо Ёсихико.

Он будил его настолько старательно, что даже пытался просунуть морду между лакеем и простынью.

— Что ещё за новости?..

Еле открыв глаза, Ёсихико сел и тут же ссутулился. Когане посмотрел на него довольными глазами и театрально прокашлялся.

— Старшие боги при поддержке всех остальных спустили официальную депешу, и я хочу поскорее передать её тебе... Готов слушать? — спросил лис, снова постучав лапой по щеке сонного Ёсихико.

— Кто такая депеша?

— Не кто, а что. Это сообщение, — терпеливо пояснил Когане, выпрямил спину и важно покачал хвостом. — Возрадуйся, Ёсихико, ибо боги оценили твою искреннюю работу над заказами. Они решили сделать тебя из временного лакея постоянным!

Усталому разуму Ёсихико понадобилось несколько секунд, чтобы переварить новость.

— И... что изменится?

— Дело не в том, что что-либо должно измениться. Это большая честь! Старшие боги назначили тебя лакеем, почти ни с кем не советуясь, поэтому многие считали тебя лишь временной заменой, но ты сумел заслужить признание!

— У меня будет зарплата?

— Дело не в деньгах. Сейчас, когда ты стал лакеем не только на деле, но и на словах, для тебя важнее всего относиться к богам с почтением и прилежно выполнять заказы.

— Хотя бы на проезд денег подкинут?..

— Ещё раз говорю, что не в деньгах дело. Ты должен понять, что это радостное известие! А уж затем...

— Спокойной ночи.

Поняв, что перевод из временных лакеев в постоянные ровным счётом ничего не меняет, Ёсихико залез обратно в футон, но Когане запрыгнул на лакея, не давая уснуть.

— Нет уж, подожди! Это величайшая честь! Когда мы только встретились, ты был никчёмным, самовлюблённым, упрямым и тщеславным, но сейчас уже и боги признали тебя!

— О-о, ну-у ничего-о себе. Как же я ра-ад. И всё это благодаря великому Когане. Огромное спасибо-ибо, — монотонно протянул Ёсихико, даже не пытаясь бороться со сном.

Как ни странно, Когане охотно поверил его словам и удивлённо округлил глаза.

— Надо же, я и не надеялся услышать такие слова. На самом деле, заказ Амэномитинэ-номикото был в том числе важным экзаменом, который и решал, станешь ли ты постоянным лакеем. Вот почему на этот раз я держался так сухо и отказывался помогать тебе. Все тяготы пали на тебя...

— Так, секунду... — слова лиса разбудили Ёсихико, и он окончательно выбрался из футона. — Отказывался помогать мне?.. Да, я заметил, что ты держишься холоднее обычного, но мне казалось, ты просто выпрашиваешь у меня еду. Я ошибся?

Ёсихико ни секунды не сомневался в своей догадке и не ожидал, что лис так просто оспорит её.

Когане вздохнул и посмотрел на Ёсихико укоризненным взглядом.

— Я не становлюсь сварливым от голода. Возможно, сейчас я вынужден жить рядом с тобой, но не забывай, что я Хоидзин, древний японский бог. Еда не властна над моим настроением.

Ёсихико поднял руку, прерывая Когане. Только сейчас он наконец-то увидел, что происходит у него в спальне. Когда он вернулся домой, такого точно не было.

— Что это?

Весь пол был завален едой. В комнату Ёсихико с кухни перекидывали закуски и выпечка; бананы, яблоки и прочие фрукты; лежали упаковки пудинга и желе из холодильника; даже сушёные кальмары и моти, которыми отец заедал пиво. Здесь же стояла и газировка, которую Ёсихико прятал под столом, и припасённая на случай бессонной ночи лапша быстрого приготовления.

— Я решил устроить пир в честь твоего назначения, — самодовольно заявил лис, задирая голову.

— Быстро вернулся на место! — выкрикнул мигом проснувшийся Ёсихико и схватил Когане за хвост.

Ему совсем не понравилось, что лис решил организовать праздник, пока Ёсихико спал. И судя по количеству похищенной еды, он явно собирался наесться до отвала.

— А ведь я терпеливо ждал и не ел, пока ты не проснёшься! — Когане поморщился.

Ёсихико вздохнул и схватился за голову. Конечно, он был признателен Когане за такое проявление чувств, да и тот факт, что он ничего не ел, несколько облегчал задачу, но это, конечно, уже совсем другое дело.

— Хотя... кое-что я всё-таки не удержался и съел, — добавил лис на редкость виноватым голосом, опуская уши.

— Что? — устало спросил Ёсихико, массируя виски.

Мороженое? Йогурт? Кальмара?

— Вот это, — Когане указал носом, и по спине Ёсихико пробежали мурашки.

— Ш... шоколад Godiva?..

Бумажная упаковка была беспощадно разорвана, коробка вероломно прогрызена, внутри виднелась лишь пустота.

Этот десерт ценой в тысячу с лишним иен купила себе сестра Ёсихико, самый жуткий человек их семьи, чтобы отметить грядущее окончание экзаменов.

Ёсихико схватился за кошелек, ощущая, что над ним нависла нешуточная угроза. Богиня

разрушения ещё не вернулась домой, и Ёсихико должен успеть исправить катастрофу, пока в доме не случилась ещё одна.

— За что?!

Ёсихико выскочил из комнаты в домашней одежде и побежал вниз по лестнице. Он помнил, что боги — нелогичные сознания, но хотел, чтобы у них было хоть немного самоконтроля. Или чтобы они по крайней мере не ели элитный шоколад его сестры.

— Ёсихико, — окликнул Когане лакея, который уже обувался в сандалии.

— Чего тебе?!

— Купи сестре самую большую упаковку.

— А?

Ёсихико не ожидал таких слов и невольно посмотрел в зелёные глаза лиса. Может, истории братьев и сестёр заставили задуматься даже лиса? Но как только Ёсихико ощутил в груди лёгкое тепло...

— А мне можешь купить поменьше, — добавил лис, качнув хвостом.

Шёл самый конец июля, ничем не примечательный будний день.

В дверь дома семьи Хагивара позвонили, и этот звонок не сулил ничего хорошего.